

По дороге домой Чжао-гэр то и дело украдкой поглядывал на своего спутника.

Мягкие лучи утреннего солнца золотили высокий силуэт Фан Цзычэня, отчего казалось, будто он сам излучает свет. Его лицо, бледное и благородное, с решительным разлетом бровей, было настолько примечательным, что во всей округе на сотню ли едва ли нашелся бы кто-то столь же статный.

— Ты и раньше часто в драки ввязывался? — неожиданно спросил Чжао-гэр.

— Да как можно! — Фан Цзычэнь, разумеется, не собирался признаваться в истине. Он усмехнулся, мешая правду с вымыслом: — Я только здесь кулаками махать начал, а прежде был на редкость добросердечным.

Чжао-гэр посмотрел на него с сомнением:

— Да неужели? Уж больно ловко и умело ты с ними расправляешься.

— Просто раньше никто не смел меня задирать, — с легкой ностальгией произнес Фан Цзычэнь. — В том мире мои родители были богаты, дядя занимал высокий пост, а в школе старший брат слыл первым учеником, тогда как второй и вовсе держал в страхе всё заведение. Ко мне и близко подойти боялись, я везде ходил с гордо поднятой головой — важный был, просто жуть.

Он невольно вздохнул, вспомнив старую истину: «Герой не похваляется былыми подвигами».

— А теперь посмотри на меня: то и дело какой-нибудь невежа норовит подгадить.

Пока они шли бок о бок, пересмеиваясь и болтая, из толпы вышел Ма Вэнь. Он замер, не сводя глаз с их удаляющихся спин.

Фан Цзычэнь что-то сказал, и Чжао-гэр, притворно рассердившись, легонько хлопнул его по спине. Тот ничуть не обиделся — напротив, принялся шутливо кланяться и рассыпаться в извинениях. Чжао-гэр отвернулся, пряча улыбку, но в его взгляде светилась неприкрытая радость.

Ма Дачжуан потянул сына за рукав:

— Видишь теперь? Ты по нему сохнешь, а он? Хоть раз Чжао-гэр о тебе вспомнил?

— Батюшка, не надо, — юноша чувствовал, как на душе скребут кошки. Едва прослышав, что Фан Цзычэнь пошел разбираться с Лю Лайцзы, он бросил все дела и прибежал сюда, словно пытаясь что-то доказать самому себе.

Ма Дачжуан, всё еще тая обиду на Чжао-гэра, продолжал:

— Я лишь хочу, чтобы ты открыл глаза. Всего месяц прошел! Глянь, как он перед этим Фан Цзычэнем хвостом метет. Помнит ли он вообще, кто ты такой? Да не было у него к тебе никаких чувств!

Лицо Ма Вэня потемнело, но отец, не замечая этого, гнул своё:

— Забудь его. Мы с матерью найдем тебе пару получше.

Ма Вэнь промолчал. Он провожал их взглядом до тех пор, пока фигуры спутников не скрылись за поворотом.

— Пойдемте домой, батюшка.

После завтрака Фан Цзычэнь маялся от безделья.

Вчерашнюю работу на пристани он закончил, а управляющий должен был зайти за ним лишь завтра в полдень, чтобы отвести на «собеседование» в «Башню Пьяной Ночи». Весь сегодняшний день оставался свободным.

Прослышав, что в полдень в порт прибудет казенное судно, Фан Цзычэнь предложил Чжао-гэру сходить посмотреть.

Тот бросил взгляд на неперекопанный участок земли у забора и покачал головой:

— Иди один, у меня еще дела.

Солнце еще не достигло зенита, а молодой человек, не дойдя до пристани, уже услышал доносившиеся оттуда скорбные рыдания. Повсюду на улицах белели клочки бумаги, словно здесь только что прошла похоронная процессия.

На пристани яблоку негде было упасть. Фан Цзычэнь окинул взглядом собравшихся: лица у всех были суровые и торжественные. Кто-то плакал навзрыд, кто-то замер в тревожном ожидании. Кое-где виднелись женщины в траурных одеждах с белыми повязками на головах.

— Вернется ли мой сынок в этот раз? Его уж несколько лет как забрали, — донеслось до него.

Он обернулся и увидел нескольких стариков, ведущих неспешную беседу.

— Кто ж знает? Эх... Кстати, Старик Ван пришел?

— Нет, говорят, он совсем слег, с постели не встает.

— Бедолага... Один-единственный сын был, совсем молодой, и сгинул на этой проклятой границе. Как тут не занемочь.

— Слыхали, паренёк из семьи Цзян обещал привезти прах его сына? Чтобы в родную землю упокоить, как положено. Хоть какое-то утешение старику будет.

Вдалеке показались три больших корабля. Расправив паруса, они медленно входили в гавань. Вдоль бортов стояли солдаты, вооруженные копьями и мечами.

С грохотом спустились сходни.

Толпа хлынула вперед, и Фан Цзычэнь, не в силах протиснуться, воспользовался своим ростом, чтобы наблюдать издали.

Первым на берег сошел солдат, тяжело опирающийся на костыль — одной ноги у него не было. За ним потянулись другие: раненые поддерживали друг друга, их белые повязки насквозь пропитались кровью и грязью.

Их выносили на носилках, выводили под руки, несли на спинах.

Целый корабль людей — и почти ни одного целого.

Толпа забурлила: крики радости перемешивались с отчаянными рыданиями.

— Сынок! Вернулся, родной мой!

— Брат... А рука? Где твоя рука?!

— А где же мой Ван Сяоху? Сяо Ли, где мой сын? Почему его нет?!

— Матушка, где отец? Где мой папа?

— Он обещал вернуться и жениться на мне... Я ждала три года. Все возвращаются, а он... почему его нет?

Вдруг неподалеку раздался издевательский смех:

— Брат Цянь, гляди! Вон тот, на одной ноге, скачет, ровно жаба подбитая! Ну и умора! Ха-ха-ха!

Фан Цзычэнь, выросший в мирное время, впервые видел нечто подобное. Он не знал ни одного человека на этом корабле, но сердце его наливалось свинцовой тяжестью. Те, кто привык жить под мирным солнцем, никогда не смогут до конца осознать мрак и жестокость войны.

Он увидел, как один солдат достал из старого, окровавленного узла сверток из потемневшей ткани. Сказав что-то седой старухе, он медленно развернул его.

Внутри был прах.

Старуха дрожащими руками приняла ношу. Она не закричала, не забилась в истерике, лишь нежно погладила сверток. Поблагодарив солдата, она медленно, спотыкаясь, побрела прочь.

Эта картина обожгла юношу. Смерть в его возрасте казалась чем-то бесконечно далеким и нереальным. Но в этот миг, глядя на происходящее, он кожей почувствовал её тяжесть.

Тот, чей прах привезли домой, был по-своему удачлив — он не остался лежать на поле боя на корм стервятникам, его кости не истлели в чужой земле, чтобы развеяться пеплом по ветру. Но для тех, кто остался в тылу, в тепле и безопасности, его участь была горькой несправедливостью.

Фан Цзычэнь невольно задумался: сколько ему было лет? Дожил ли он до тридцати? А может, он был ровесником самого Фана? Совсем молодой, он сложил голову на чужбине... Как теперь будут жить его родители, жена, дети? О чем он думал в свою последнюю секунду? Наверняка ему очень не хотелось уходить.

Никто не хочет умирать. Каждому хочется просто жить.

Но в это время человеческая жизнь ценится не дороже придорожной травы. От их городка Фуань до границы — едва ли тысяча ли. Для местных жителей деревни Сяохэ, никогда не покидавших родных мест, это расстояние казалось краем света. Но для Фан Цзычэня, пришедшего из будущего, это было почти под боком.

Так близко... И всё же никто не помнит тех, кто принес себя в жертву. Никто не задумывается, что их нынешняя спокойная жизнь выстроена из плоти и крови тех, кто стоял на смерть. Для простых людей важнее налоги или очередной призыв...

Они не привыкли благодарить безвестных героев. Почестей удостоиваются лишь великие генералы. А те безмолвные солдаты, что ушли, не оставив следа — кто вспомнит их, кроме родных?

Как сложится жизнь этих раненых в этом суровом и несовершенном мире? Не станут ли близкие попрекать их куском хлеба, раз они больше не могут работать? Не будут ли тыкать в них пальцем за их увечья? Смогут ли они сами вынести боль от своей неполноты?

Они уходили на войну — кто-то по нужде, кто-то по воле сердца, но какова бы ни была причина, каждый из них заслуживал глубочайшего почтения.

Даже зная о смерти, они всё же шли ей навстречу.

Фан Цзычэнь тяжело выдохнул и направился к группе юнцов, наблюдавших за сценой со стороны.

Его высокая, статная фигура и незаурядная внешность тут же привлекли внимание троицы. Стоило ему подойти ближе, как один из них, юноша в синих одеждах, высокомерно спросил:

— Ты кто такой? Что тебе...

Договорить он не успел — кулак Фана врезался ему в лицо.

Сунь Шанчэн рухнул на землю. Прежде чем остальные двое успели опомниться, Фан Цзычэнь уже сидел верхом на его животе. Схватив обидчика за волосы, он с силой приложил его головой о землю и ледяным тоном спросил:

— Смешно тебе?

От удара в голове у пострадавшего загудело, в глазах потемнело. Он отчаянно вцепился в руки нападавшего:

— Проклятье! Ты кто вообще такой? Ты с ума сошел?!

— Молодой господин, что вы делаете? Немедленно прекратите! — опомнился Цянь Хаоюй,

пытаясь оттащить Фан Цзычэня.

Тот был куда сильнее. Одним рывком он стряхнул чужую руку, да так, что щуплый Цянь Хаоюй едва устоял на ногах. Не обращая внимания на сопротивление подмятого под себя парня, Фан Цзычэнь снова ударил его затылком о землю:

— Смешно?!

И еще раз:

— Весело тебе?!

У Сунь Шанчэна в ушах стоял звон, по затылку потекло что-то теплое.

— Твою мать... Я... я убью тебя!

— Остановитесь, вы же его убьете! — в панике закричал Ли Цзин.

Они с Цянь Хаоюем тянули и толкали, но Фан Цзычэнь сидел на противнике непоколебимой горой. Зрители вокруг были заняты своим горем, а с тремя хилыми книжниками он мог расправиться не глядя.

Он проигнорировал их призывы. Молодой человек пристально смотрел в лицо Сунь Шанчэну с пугающей усмешкой. Обычно его улыбка была солнечной и открытой, но сейчас от него веяло такой яростью и холодом, что у свидетелей кровь стыла в жилах.

— Всё еще смешно? — его голос был подобен льду. — Отвечай: кто здесь хромая жаба?

Ли Цзин и Цянь Хаоюй замерли. До них наконец дошло.

Сначала они думали, что на них напал какой-то сумасшедший или что приятель когда-то перешел этому человеку дорогу. Оказалось, тот просто услышал их гнусные насмешки над солдатом и решил проучить наглеца.

Всякое сочувствие к товарищу мгновенно испарилось. Теперь им казалось, что Фан Цзычэнь всё делает правильно.

Поделом ему.

Пусть поорет.

Цянь Хаоюй разжал руки и больше не пытался вмешаться. Ли Цзин лишь нахмурился:

— Довольно с него, не забивайте до смерти. Мы вместе пришли, если с ним что случится — нам перед его родными отвечать.

Фан Цзычэнь и сам не собирался доводить дело до греха. Нанеся еще пару ударов, он поднялся и отпустил парня.

После этого он еще недолго побродил по городу. Но когда он вернулся домой, его ждала новая беда: кто-то избил его Гуай-цзя.

<http://bllate.org/book/15357/1422078>